

УДК 902/904:94(430+47)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.114.121>

ГАНЗЕЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ ФЛАМАНДСКИМИ ТКАНЯМИ НА РУСИ В XIV–XV ВВ.

© 2026 г. Е.М. Калугина

В статье исследуются археологические данные о ввозе Ганзой на Русь фламандских тканей в XIV–XV вв. Основными материальными свидетельствами ганзейско-русской торговли указанным товаром стали обнаруженные в Новгороде и на других территориях Руси находки археологического текстиля и текстильных пломб. Рассмотрение находок текстиля дало сведения о характере поступавших на Русь фламандских тканей и о происходивших изменениях в их структуре; изучение находок пломб способствовало получению информации о фламандских городах, производивших сукно для ввоза на Русь. Анализ находок показал разнообразие технических характеристик фламандского текстиля, в том числе присутствие во фламандском импорте тканей, различающихся по расцветке, качеству, плотности нитей, фактуре поверхности. Кроме того, в рассматриваемый период произошло изменение технологических характеристик тканей сторону их упрощения, что явилось отражением изменений во фламандском сукноделии, связанных с изменением сырья и возникновением «новых» текстильных центров. Также исследование показало, что в Новгород ввозились фламандские ткани, изготовленные в Ипре, Сент-Омере, Турне, Поперинге, Брюгге, Аррасе, Тинене. При этом фламандская продукция составила основную часть находок импортного текстиля рассматриваемого периода.

Ключевые слова: археологические данные, Новгород, Ганзейский союз, продукция фламандского производства, торговля тканями, находки текстиля, текстильные пломбы, вид сырья

HANSEATIC TRADE IN FLEMISH FABRICS WITH RUS IN THE 14TH–15TH CENTURIES

E.M. Kalugina

The article deals with the archaeological data concerning the import of Flemish textiles to Rus by the Hanseatic League in the 14th–15th centuries. The main material evidence of the Hanseatic–Russian trade in this sort of product are the finds of archaeological textiles and textile seals discovered in Novgorod and other regions of Rus. The examination of textile finds provides information about the nature of Flemish fabrics arriving in Rus and the changes that occurred in their structure; the study of seal finds has contributed to obtaining information about the Flemish cities that produced cloth for import to Rus. The analysis of the finds demonstrated a variety of technical characteristics of Flemish textiles, including the presence within Flemish imports of fabrics differing in color, quality, thread density, and surface texture. Besides, during that period, there was a change in the technological characteristics of fabrics towards their simplification, which reflected changes in Flemish textile production related to the changes in raw materials and to the emergence of "new" textile centers. The research also indicated that fabrics, imported to Novgorod, included items manufactured in Ypres, Saint-Omer, Tournai, Popering, Bruges, Arras, Tienen. Furthermore, Flemish products constituted the majority of the finds of imported textiles of that period.

Keywords: archaeological data, Novgorod, Hanseatic League, Flemish-made products, archaeological data, fabrics trade, finds of textiles, textile seals, sort of raw material

В XIV–XV вв. торговля между Русью и странами Запада находилась под контролем Ганзы. Ганзейцы приобретали у русских купцов товары, предназначенные для западного рынка, и ввозили на Русь продукцию европейских производителей, в том числе ткани. При этом в рассматриваемый период основную часть тканей, ввозившихся Ганзой на Русь, составляло сукно фламандского произ-

водства. Фламандские ткани различались по качеству и по цене, в связи с чем могли удовлетворить потребности разных слоев населения.

В отличие от предыдущих периодов, XIV–XV вв. освещаются в ряде письменных источников (например, договорах, рецессах ганзейских съездов, ганзейской переписке и пр.), которые сохранились до наших дней и

затрагивают некоторые вопросы, связанные с ганзейско-русской торговлей, в том числе и торговлей тканями. Вместе с тем представляется, что данное обстоятельство не снижает ценности археологических находок, которые могут использоваться для подтверждения или опровержения указанных источников либо рассматриваться вместе с ними для установления специфики экономических отношений изучаемого периода, а также могут дать дополнительную информацию, отсутствующую в документах, например о технологических характеристиках тканей, форме их поступления на Русь (упаковка текстиля, наличие пломб и пр.), о местах и некоторых особенностях торговли.

Основные особенности развития фламандского текстильного производства в XIV–XV вв.

Фламандское текстильное производство достигло своего расцвета еще до начала рассматриваемого периода (в первой половине XIII в.). При этом оно всегда развивалось как отрасль, имеющая экспортный характер (Пиренн, 2001, с. 148). К началу XIV в. во Фландрии уже действовали крупные текстильные центры, изготавливавшие высококачественное сукно (такие как Ипр, Брюгге, Гент и пр.). Основой фламандского сукноделия являлась овечья шерсть из Англии, но в XIV в. фламандское производство перешло на испанскую шерсть, поскольку ввоз английского сырья фактически прекратился (Пиренн, 2001, с. 425). В связи с изменением сырья текстильному производству требовалась существенная перестройка, но в «старых» центрах, имевших сильную специализацию, часто не удавалось упростить технологический процесс и, соответственно, удешевить производство. Указанные изменения сопровождались ростом «новых» текстильных центров, которые использовали более простые технологии и вырабатывали более простые виды сукна (Майзлиш, 2016, с. 182, 191). Стоимость производства в «новых» центрах стала ниже и их ткани составили конкуренцию крупным городам. Но, несмотря на возникшие проблемы, Фландрия оставалась одним из основных мировых производителей сукна на экспорт (Хорошкевич, 1963, с. 176).

При этом взаимоотношения Фландрии с Ганзой сформировались еще в XIII в., а в XIV в. ганзейцы уже контролировали весь

экспорт фламандских сукон в Восточную Европу, в том числе и на Русь. Особое место в ганзейской торговле занимал Новгород, так как преимущественно через него ганзейские купцы ввозили на Русь западноевропейскую продукцию, которая уже из Новгорода поступала на рынки других регионов Руси.

Находки археологического текстиля фламандского происхождения

Факт широкого ввоза на Русь фламандских тканей подтверждается археологическими данными, в первую очередь находками археологического текстиля. Поскольку основным путем поступления указанного товара на Русь являлся его ввоз ганзейцами в Новгород, особое значение для рассмотрения торговли фламандским текстилем имеют новгородские находки.

В Новгороде наиболее многочисленными стали находки тканей из Неревского раскопа. Среди них преобладали ткани из шерсти. В частности, из слоев XIV–XV вв. происходит 166 фрагментов шерстяных тканей, из числа которых не менее 52 экземпляров являются текстилем западноевропейского происхождения (Нахлик, 1963, с. 307–313). При этом большая часть находок представлена окрашенными валяными сукнами – 33 находки, меньше количество окрашенных неваляных тканей – девять находок, тканей «специального типа» выявлено лишь четыре фрагмента, «полосатых» – три, по одной находке – окрашенное сукно, валяное сукно и неваляная ткань «с крестообразным переплетением» (Нахлик, 1963, с. 231, 307–313).

При изучении состава сырья, использованного при изготовлении тканей XIV–XV вв., было установлено, что ткани западноевропейского производства были произведены из двух видов шерсти: ткани «специального типа» были выработаны из шерсти английских тонкорунных овец, а сукно – из английской тонкорунной шерсти, а также из шерсти испанских мериносов (Нахлик, 1963, с. 271, 274). В частности, из шерсти испанских мериносов были изготовлены находки окрашенного сукна и часть находок валяного неокрашенного сукна. При этом, поскольку в XIV–XV вв. испанская шерсть стала основным сырьем для большинства производственных центров Фландрии, находки окрашенного и валяного сукна были определены как фламандские ткани.

Необходимо отметить, что увеличение ввоза в Новгород фламандского валяного сукна произошло еще в XII в. При этом если до середины XIII в. практически все привозные суконные ткани (кроме одной находки) были сделаны из английской шерсти (Нахлик, 1963, с. 290), то в рассматриваемый период резко возросло количество тканей из шерсти испанского мериноса, то есть фламандской продукции. Причем среди находок суконных тканей основное место занимало окрашенное валяное сукно (33 находки). Оно отличалось высоким качеством, хорошей окраской и хорошо свалянной поверхностью. Также следует упомянуть, что в XIV–XV вв. окрашенные ткани были дороже, чем другие виды текстиля (Dollinger, 1970, р. 248). Вместе с тем описанные материи были менее плотными, чем ткани «специального типа», преобладавшие среди привозного текстиля до XIII в. и производившиеся в Англии. Ввоз указанных тканей «специального типа» в Новгород уменьшился с XIII в. и в рассматриваемый период их число являлось незначительным по сравнению с количеством фламандских тканей (к XIV–XV вв. относится лишь четыре ткани «специального типа»). При этом наибольшее число находок окрашенного валяного сукна, являвшегося продукцией фламандского текстильного производства, зафиксировано в слоях XIV в. (Нахлик, 1963, с. 288, 292). Такие процессы были обусловлены как ростом фламандского текстильного производства, произошедшим в XIII в., так и развитием связей между Фландрией и Ганзой, ставшей единственным поставщиком фламандского сукна в прибалтийский регион, а также возрастанием роли ганзейских купцов в новгородской торговле (Angermann, 1980, s. 79).

Кроме того, необходимо обратить внимание на изменение технологических характеристик найденных в Новгороде фламандских тканей. В частности, в XIV–XV вв. подавляющее большинство валяных и окрашенных сукон имели полотняное переплетение в отличие от более раннего периода, когда преобладали ткани с саржевым переплетением 2/1. Так, из 44 находок фламандского валяного и окрашенного сукна полотняное переплетение имели 30 экземпляров (Нахлик, 1963, с. 291). Указанное изменение связано с тем, что во Фландрии в данный период складывались

новые центры сукноделия, которые применяли более простую технологию и стали вырабатывать «сукно облегченного типа» (Нахлик, 1963, с. 292). В таком типе ткани использовалось полотняное переплетение нитей, являвшееся более простым по сравнению с саржевым (2/1).

При этом в XIV в. «новые» центры сукноделия постепенно преобразовывали свой текстиль в подражание продукции «старых» производителей, в результате чего их ткани стали очень похожими по составу, размерам, весу и иным характеристикам на ткани, уже пользующиеся спросом (Munro, 2005, p. 442). Однако продукция «новых» центров с точки зрения технологических признаков имела более низкое качество (3 и 4 сорта ткани по классификации А. Нахлика) по сравнению со «старыми» производителями, делавшими высококачественное тонкое сукно, отличавшееся большей плотностью нитей (1 и 2 сорта ткани) (Нахлик, 1963, с. 290–291). Исходя из указанного различия, из новгородского археологического материала следует, что среди фламандского валяного и окрашенного сукна преобладала продукция «новых» текстильных центров (35 из 44 находок). Это соответствует ходу развития сукноделия во Фландрии, где в XIV–XV вв. активно развивались «новые» центры производства, составившие конкуренцию «старым» производителям.

Окраска находок фламандского сукна была разной, но наиболее часто встречалось сукно красного цвета. Так, среди 43 окрашенных сукон красный цвет имели 35 находок (Нахлик, 1963, с. 307–131). Также имелись экземпляры коричневого, бежевого, зеленого, голубого цвета.

Необходимо отметить, что в ходе первоначального исследования обнаруженных в Новгороде суконных валяных тканей принадлежность к иностранным текстильным центрам была установлена не для всех находок, впоследствии оказавшихся импортными. Тканями фламандского производства были признаны лишь окрашенные ткани с хорошо свалянной поверхностью, а ткани, поверхность которых была сваляна некачественно и позволяла видеть под ворсом фактуру материи, были определены как сукно местной выработки (Черных, 19958, с. 103, 104). Однако впоследствии исследование сырья показало, что подавляющее большинство находок

суконных тканей, и в частности те, поверхность которых плохо сваляна или не сваляна, изготовлены из импортной шерсти, в том числе часть из них – из шерсти испанских мериносов (Нахлик, 1963, с. 274, 288). Учитывая то обстоятельство, что в рассматриваемый период западноевропейские товары поставлялись на Русь ганзейскими купцами, при этом овечья шерсть, включая испанскую, не относилась к объектам ганзейского ввоза и, соответственно, не являлась сырьем для местного сукноделия, исследование состава указанных выше находок из шерсти мериноса дало основания рассматривать их как ткани фламандского происхождения.

Следует упомянуть, что, наряду с составом сырья, имелся ряд дополнительных технологических характеристик, способствовавших отнесению новгородских находок к группе тканей, произведенных во Фландрии, хотя основным признаком всё же оставался состав шерсти. Так, исследование состава шерсти показало фламандское происхождение «полосатых» тканей (3 экз.), найденных в слоях XIV в. (Нахлик, 1963, с. 254). Эти ткани основаны на полотняном переплетении нитей, но в них полосы полотняного переплетения (1/1) чередуются с полосами репсового переплетения (2/2). Изготовление «полосатых» тканей было характерно для крупных центров сукноделия Фландрии. Заслуживает внимания и единичная находка тонкой неваляной ткани с саржевым переплетением в четыре нити (2/2) («крестообразным» переплетением, по определению А. Нахлика), характеризовавшейся последовательно сменой каждой третьей и четвертой нити основы в очередном раппорте переплетения (Нахлик, 1963, с. 257, 309). Данный текстиль имел очень высокое качество (1 сорт) и был выполнен из тонкой чесаной шерсти, не имевшей остевых волокон. Материя была произведена из шерсти мериноса.

Изучение археологического текстиля подтвердило факт широкого поступления на Русь через Новгород фламандских тканей, однако не позволило установить конкретные города, изготавливавшие ввозившийся ганзейцами текстиль. Это связано в первую очередь с тем, что в XIV–XV вв. большинство фламандских производителей вырабатывало ткани из шерсти испанских мериносов. Лишь в отдельных немногочисленных городах применявшееся в текстильном производ-

стве сырье отличалось – например, Брюгге перешел на испанскую шерсть уже в XIII в., когда другие текстильные центры Фландрии еще продолжали использовать английскую шерсть, а в Сент-Омере, напротив, использование испанской шерсти не разрешалось даже в начале XV в. (Нахлик, 1963, с. 286–287). Учитывая указанное различие, среди находок середины XIII в. удалось выявить фрагмент сукна высокого качества из шерсти мериносов, который был определен как продукция Брюгге. Что касается периода XIV–XV вв., то, принимая во внимание использование фламандскими городами аналогичного сырья (испанского) и схожих технологий выработки тканей, исследование находок текстиля, как правило, не позволяет определить конкретного производителя продукции.

При этом многочисленность находок фламандских тканей говорит о том, что они занимали существенное место среди товаров, поступавших на Русь с Запада. В то же время, учитывая то, что рассмотренные находки найдены на территории боярской усадьбы, следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что большое количество импортных тканей могло быть обусловлено положением владельцев усадьбы и не говорит о таком же широком распространении импортных тканей среди простых горожан (Хорошкевич, 1963, с. 162). Вместе с тем представляется, что находки тканей свидетельствуют о том, что фламандский текстиль был разным по качеству, расцветке и технологическим характеристикам, что он ввозился ганзейцами весь рассматриваемый период и пользовался спросом на Руси.

Археологические находки фламандских текстильных пломб

В XIV–XV вв. ткани фламандского производства различались по качеству, размеру, окраске, упаковке (Dollinger, 1970, p. 249). Чтобы обеспечить качество продукции и воспрепятствовать фальсификации товара, во Фландрии, как и в других западноевропейских странах, вырабатывавших ткани на экспорт, осуществлялась процедура осмотра и опломбирования товара, которая подтверждалась путем навешивания на упаковки сукна (лаке-ны) свинцовых пломб. Причем при изготовлении тканей высокого качества, в том числе предназначенных на экспорт, пломбы могли ставиться как по окончании отдельных произ-

водственных операций (тканья, окраски, валяния), так и после завершения технологического процесса (Майзлиш, 2016, с. 189). Пломбы позволяли покупателям удостовериться в происхождении товара и его качестве.

Представляется, что находки текстильных пломб имеют важное значение при рассмотрении вопросов ганзейско-русской торговли, поскольку они не только подтверждают факт ввоза на Русь фламандских тканей, но во многих случаях также позволяют определить города, из которых ганзейцы поставляли текстиль. Так, в Новгороде и на ближайших к нему территориях были найдены многочисленные текстильные пломбы. В частности, в Новгороде была найдена 171 пломба, на Новгородском городище – три и одна в Перыни (то есть рядом с Новгородом) (Гайдуков, Олейников, 2019, с. 2–3). В Новгороде пломбы выявлены в 35 раскопах, причем 131 находка происходит с Торговой стороны. Основную часть находок составили пломбы различных городов Фландрии, в том числе среди находок имелись пломбы из Ипра, Сент-Омера, Турне, Поперинге, Арраса, Брюгге, Тинена.

При этом в одном лишь Рогатицком-3 раскопе, находящемся рядом с Торгом и Немецким двором, обнаружено 68 текстильных пломб (Гайдуков, Олейников, 2019, с. 4), из них в слоях XIV–XV вв. – 61 пломба (46 пломб XIV в. и 15 пломб XV в.). Из числа пломб, происхождение которых удалось установить, подавляющее большинство (28 экземпляров) происходит именно из городов Фландрии. В частности, из Ипра происходит пять пломб (2-я половина XIV в.); из Сент-Омера – пять пломб (последняя четверть XIV в.); из Турне – 14 пломб (десять – 2-я половина XIV в., четыре – XV в.); из Поперинге – три пломбы (две – XIV в., одна – 3-я четверть XV в.); из Арраса и Тинена – по одной пломбе второй половины XIV в. (Гайдуков, Олейников, 2019, с. 7–8). Выяснить принадлежность 31 находки XIV–XV вв. к определенным западноевропейским городам не представилось возможным по причине их неудовлетворительной сохранности.

Интересным является тот факт, что большая часть пломб, выявленных на указанной торговой территории, происходит из Турнэ (14 экз.). Турнэ являлся одним из центров фламандского сукноделия и поставлял ткани в Новгород уже в XII вв. Пломбы из Турнэ обычно содер-

жали в центре изображение лилии (Рыбина, 2009, с. 192).

Находок пломб из Ипра и Сент-Омера в Рогатицком-3 раскопе было меньше, чем из Турнэ (по пять экземпляров). При этом Ипр и Сент-Омер относились к числу старых крупных центров сукноделия Фландрии (Хорошкевич, 1963, с. 174, 176). Они производили высококачественные сукна, имевшие большой спрос на Руси. Пломбы из Ипра и Сент-Омера на лицевой стороне, как правило, имели изображение патриархального (шести-конечного) креста, который присутствовал на гербах этих городов (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 148, 149). На обратной стороне пломб Сент-Омера иногда изображался бюст Св. Омера.

Количество поперинских пломб на данном раскопе было незначительным (три штуки), хотя этот вид сукна являлся наиболее распространенным на Руси (Хорошкевич, 1963, с. 182). В изучаемый период пломбы Поперинге обычно включали изображение правой руки в перчатке, держащей посох (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 148). Такое изображение присутствовало и на гербе города. Развитие Поперинге шло за счет перехода на сырье из Испании и применения более простых технологий производства. Благодаря достаточно невысокой цене ткани из Поперинге пользовалась повышенным спросом, и их ввоз Ганзой на Русь в рассматриваемый период постоянно рос (Хорошкевич, 1963, с. 183). При этом поперингские сукна характеризовались достаточно высоким качеством и к середине XV в. смогли конкурировать с ипрскими.

Необходимо отметить, что пломбы, аналогичные найденным на Рогатицком-3 раскопе, были выявлены и на других раскопах Новгорода и окрестностей. Например, пломба из Турнэ обнаружена на Дубошином раскопе в слоях рубежа XIV–XV вв. (Рыбина, 1981, с. 298); ипрская пломба – на Прусской улице; на ряде других новгородских раскопов выявлено более 10 находок поперингских пломб (Беляев, 2018, с. 24), а в раскопе Конюшенный-1 и у Великого моста найдены пломбы из Брюгге, которые в Рогатицком-3 раскопе отсутствовали. Также пломба из Турнэ выявлена на Городище (Рыбина, 1981, с. 299).

При этом к особенностям пломб из Турнэ следует отнести тот факт, что в отличие от пломб других фламандских городов на турнэй-

ских находках иногда встречалась надпись об их происхождении – «de tournai» («из Турнэ») (Рыбина, 1981, с. 298). Кроме того, необходимо упомянуть, что на одной из найденных в Новгороде пломб из Турнэ имелся на обороте ганзейский купеческий знак (Рыбина, 2009, с. 192), что стало дополнительным свидетельством участия ганзейских купцов в торговле фламандским текстилем.

Важным является тот факт, что находки из тех же фламандских городов, пломбы которых обнаружены в Новгороде, имелись и на других территориях Руси. Так, пломбы из Ипра и Турнэ найдены в Твери (Коваль, 2015, с. 214); многочисленные поперингские пломбы выявлены в Москве, в том числе в Зарядье в районе Мытного двора – шесть пломб, в районе торговой улицы Ильинки – не менее девяти пломб (Беляев, 2018, с. 24); пломбы из Тинена раскопаны на подоле Кремля в Москве в количестве шести экземпляров (Беляев, 2018, с. 23).

Следует отметить, что обнаруженные в Новгороде пломбы в целом отражают круг основных фламандских производственных центров, из которых ткани поступали на Русь. Однако в настоящее время находки дают сведения не обо всех фламандских городах, из которых происходили ткани. Также представляется, что количественное соотношение пломб из разных городов Фландрии не может рассматриваться как доказательство количественного распределения производителей импортных тканей. Так, обращает на себя внимание тот факт, что среди находок с раскопа Рогатицкий-3 наибольшее число турнэйских пломб, в то время как наибольшее распространение имели на Руси иные виды сукна (например, поперингское и пр.). Такое количественное соотношение, как и отсутствие пломб некоторых производителей, может быть объяснено тем, что происхождение многих находок не было определено (в частности, в Рогатицком-3 раскопе не определена 31 пломба из 61 пломбы XIV–XV вв.), причем перечень новгородских находок не является завершенным и может пополняться. Кроме того, часть поступивших в Новгород фламандских тканей могла вывозиться вместе с пломбами в другие регионы Руси. Еще одной причиной могли стать особенности самих пломб (такие как степень четкости изображения, наличие надписи), способствующие выявлению их происхождения (например, на пломбах

из Турнэ, в отличие от других пломб, иногда встречалась надпись об их происхождении – «de tournai»). При этом большинство находок фактически не имело надписей или их надписи не сохранились. Также на возможность атрибуции влияет отсутствие полной информации о средневековых официальных гербах городов (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 146). Более того, на пломбы зачастую помещались не сами гербы городов, а более простые изображения, сделанные на их основе.

Кроме того, необходимо упомянуть, что фламандские текстильные пломбы были обнаружены не только непосредственно в пределах Руси, но и в близлежащих регионах, например на приволжских территориях, подчинявшихся Золотой Орде. Так, на Селитренном городище были обнаружены фламандские текстильные пломбы XIV–XV вв., в том числе семь ипрских пломб, четыре поперингские пломбы, из Турнэ – две пломбы, из Сент-Омера – одна пломба; на Водянском городище – одна поперингская пломба XIV в.; на Торецком поселении – одна пломба из Сент-Омера XV в.; на городище Каменный Бугор – две пломбы из Сент-Омера и одна пломба из Турнэ XV в.; в Старом Крыму (Солхат) – одна пломба из Турнэ конца XIV – начала XV вв. (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 148–149, 150, 154, 156, 158, 159).

Представляется, что находки фламандских пломб на вышеуказанных территориях имеют значение и при рассмотрении вопроса о ввозе ганзейцами фламандского текстиля на Русь. При этом следует учитывать, что в приволжские города фламандские ткани могли поступать как «южным», так и «северным» путем, в частности ткани могли доставляться не только по Средиземному и Черному морям через Крымский полуостров или Азак, но и могли привозиться Ганзой Балтийским путем через Новгород (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 145).

Результаты исследования

Таким образом, археологические находки подтверждают, что фламандские ткани являлись одним из важных объектов ганзейско-русской торговли в XIV–XV вв. Сукно, как и другие товары, ввозилось ганзейцами на Русь через Новгород, в связи с чем ценным свидетельством ганзейско-русской торговли фламандскими тканями являются новгородские находки археологического текстиля и текстильных пломб.

Изучение археологического текстиля показало, что фламандская продукция составляла основную часть находок импортных тканей рассматриваемого периода. Также находки свидетельствуют о разнообразии фламандских тканей по качеству, расцветке, иным технологическим характеристикам. Основным признаком для отнесения находок к фламандскому текстилю стал состав их сырья, представляющий собой шерсть испанских мериносовых овец; также учитывался ряд дополнительных технологических характеристик (особенности нитей, ткацких переплетений и пр.).

Кроме того, находки указывают на изменение технологических характеристик фламандских тканей, подавляющее большинство которых в рассматриваемый период имело полотняное переплетение нитей. Это явилось отражением изменений во фламандском сукноделии, связанных с возникновением «новых» текстильных центров, в кото-

рых применялись более простые технологии производства тканей. При этом большинство валяных и окрашенных сукон XIV–XV вв., найденных в Новгороде, были произведены в «новых» текстильных центрах.

Вместе с тем, характеристики тканей не позволяют определить конкретные города, изготовившие ввезенные ганзейцами ткани. Получить данные о фламандских городах, производивших сукно для ввоза на Русь, помогают находки текстильных пломб. В частности, в Новгороде и его окрестностях были обнаружены пломбы из различных городов Фландрии, в том числе из Ипра, Сент-Омера, Турне, Поперинге, Брюгге, Арраса, Тинена. При этом фламандские пломбы были обнаружены не только в Новгороде и близлежащей местности, но также на других территориях Руси (например, в Москве, в Твери), что может указывать на то, что ввезенные ганзейцами в Новгород фламандские ткани далее поступали в другие регионы Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л.А. Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред., сост. В.К. Сингх. М.; Великий Новгород: Типография Любавич, 2018. С. 23–25.

Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Западноевропейские текстильные пломбы из раскопок в Великом Новгороде // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 1–8. DOI: 10.34680/2411-7951.2019.5(23).11

Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 211–221.

Лаере Р. Ван, Тростьянский О.В. Западноевропейские товарные пломбы XIV–XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Яз; Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 144–162.

Майзлиш А.А. Такая разная Фландрия: монополия Гента, Брюгге и Ипра на производство тканей и ее пределы (XIV – первая половина XV в.) // Средние века. Исследования по истории средневековья и раннего Нового времени. Вып. 77 (1–2) / Ред. П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2016. С. 180–204.

Нахлик А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 123 / Отв. ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1963. С. 228–313.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии / пер. с фр. под ред. Е.А. Косминского. СПб.: Евразия, 2001. 512 с.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.

Рыбина Е.А. Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде // СА. 1981. № 1. С. 298–300.

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.: АН СССР, 1963. 365 с.

Черных Н.Б. Новгородские ткани из Неревского раскопа // Вестник Московского Университета. 1958. № 4. С. 101–111.

Angermann N. Der Hansehandel mit Nov gorod nach dem Zeugnis Archäologischer Quellen // Hansische Geschichtsblätter. 98. Jahrgang. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1980. P. 76–84.

Dollinger Ph. The German Hansa / trans. from French and edited by D.S. Ault and S.H. Steinberg. Stanford: Stanford University Press, 1970. 474 p.

Munro J.H. Spanish Merino Wools and the Nouvelles Draperies: an Industrial Transformation in the Late Medieval Low Countries // *The Economic History Review: A Journal of economic and social history*. 2005. Vol. 58. No 3. P. 431–484.

Информация об авторе:

Калугина Елизавета Михайловна, аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия); kalugina_lizaa@mail.ru

REFERENCES

Belyaev, L. A. 2018. In Singkh, V. K. (ed.). *Neskonchaemoe leto. Sbornik statei v chest Eleny Aleksandrovny Rybinoi (The endless summer. Collected articles in honor of Yelena Aleksandrovna Rybina)*. Moscow; Veliky Novgorod: "Tipografia Liubavich" Publ., 23–25 (in Russian).

Gaidukov, P. G., Oleinikov, O. M. 2019. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo (Memoirs of NovSU)* 23 (5), 1–8 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (237), 211–221 (in Russian).

Laere, R. van, Trost'ianskii, O. V. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 2. Kazan: "Yaz" Publ.; Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 144–162 (in Russian).

Maizlish, A. A. 2016. In Uvarov, P. Yu. (ed.). *Srednie veka. Issledovaniya po istorii srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (Middle Ages. Studies on Medieval and Early Modern History)* 77 (1–2). Moscow: "Nauka" Publ., 180–204 (in Russian).

Nakhlik, A. 1963. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* 4. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 123. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 228–313 (in Russian).

Pirenn, A. 2001. *Srednevekovye goroda Bel'gii (Medieval towns of Belgium)*. Saint Petersburg: "Evraziya" Publ. (in Russian).

Rybina, E. A. 2009. *Novgorod i Ganza (Novgorod and Hansa)*. Moscow: "Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi" Publ. (in Russian).

Rybina, E. A. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 298–300 (in Russian).

Khoroshkevich, A. L. 1963. *Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoi i Zapadnoi Evropoi v XIV–XV vekakh (Veliky Novgorod's trade with the Baltic region and Western Europe in the 14th–15th centuries)*. Moscow: Academy of sciences of the USSR (in Russian).

Chernych, N. B. 1958. In *Vestnik Moskovskogo universiteta (Vestnik Moskovskogo Universiteta)* (4), 101–111 (in Russian).

Angermann, N. 1980. In *Hansische Geschichtsblätter* (98), 76–84 (in Deutsch).

Dollinger, Ph. 1970. *The German Hansa* (trans. from French and ed. D. S. Ault, S. H. Steinberg. Stanford: Stanford University Press (in English).

Munro, J. H. 2005. In *The Economic History Review: A Journal of economic and social history* 58 (3), 431–484 (in English).

About the Author:

Kalugina Elizaveta M., Yaroslav – the – Wise Novgorod State University. Bolshaia Sankt-Peterburgskaia St., 41, Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation; kalugina_lizaa@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2025 г.
Статья принята к публикации 19.01.2026 г.